

ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА

УДК 364 (09)

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л.М. Медведева, М.Е. Волчанский

Кафедра истории и культурологии, кафедра общей и клинической психологии ВолГМУ

Статья рассматривает историю формирования системы социальной работы в России, выделяются следующие подходы в оказании социальной помощи: архаическая, христианская, государственная, общественно-государственная, социальная работа как профессиональная деятельность. В центре внимания – современные проблемы организации социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, оказание помощи, благотворительность.

ON THE DEVELOPMENT OF SOCIAL WORK IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

L.M. Medvedeva, M.E. Volchansky

Abstract. The article considers the history of formation of social work in Russia and distinguishes the following approaches to rendering social aid: archaic, that of Christian confession, of the state, social and state, societal and social work as a professional activity.

The authors refer to written historical sources. Contemporary problems of organization of social work are highlighted.

Key words: social work, rendering aid, parish, charity, public care.

Формирование отечественной концепции осуществления социальной помощи имеет глубокие исторические корни, ее специфика во многом обуславливается определенной системой ценностей, традициями и особенностями многовековой истории нашей страны.

На дохристианском этапе у славян складывается архаическая концепция оказания помощи, обусловленная языческим мировоззрением. Были выработаны простейшие формы взаимной поддержки в распределении продуктов питания, организации работ, заботе о старших. Организатором действий такого рода выступает, как правило, старейшина или князь. В силу климатических и географических особенностей труд славян носил коллективный характер, что предполагало организацию общественных работ. Параллельно формируется традиция общественной помощи для реализации каких-либо потребностей отдельной семьи. Это так называемая толока или помочи – безвозмездная трудовая помощь крестьян при выполнении срочных или тяжелых ра-

бот. Взаимоотношения, при такого рода помощи, моральные нормы требовали от крестьян обязательного отклика на просьбу, отказ воспринимался как обида, впоследствии это и станет своеобразной традицией [8, с. 431–433].

Христианская концепция помощи складывается с принятием Русью христианства, в ее основе лежит философия деятельной любви к ближнему, милосердия. Оказание помощи больным, нищим и другим категориям населения стало одной из форм реализации этой христианской заповеди. Христианская религия во многом ускорила и расширила практику оказания социальной помощи, которая стала развиваться в двух основных формах: монастырской и приходской.

Отчисления на церковь и благотворительность делали частные лица, в первую очередь князья. Принятие христианства в определенной степени способствовало формированию особого вида благотворительности – княжеской. Среди князей, оставивших о себе память такими делами, письменные исторические источники назы-

(19)

вают Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое гнездо и др.

В "Домострое", памятнике русской письменности XVI в., рекомендовалось: "Милостыню по силе всяких потребностей дай, сколько требуют; и видя беду их и скорбь и всякую нужду, сколько возможно помогай им; и всякого скорбного, и нищего, и бедного, и нуждающегося не презри: и введи в дом свой, напои, накорми, согрей, одень со всею любовью и чистой совестью" [3, с. 54].

Таким образом, на этом этапе практика социальной помощи связывается с деятельностью монастырей, а также выступает и в других организационных формах, становясь частью административно-хозяйственного механизма общины.

Государственная концепция помощи начинает складываться в период становления и объединения русских земель вокруг Москвы. Изменяется доктрина помощи; теперь деятельность, труд, возможность или невозможность приносить пользу становятся теми критериями, на которых базируется помощь. Христианские понятия дополняются административными и юридическими терминами, а главным субъектом помощи становится монарх.

В XV–XVI вв. в России об участии государства в деле попечения свидетельствовал ряд указов, принятых в годы правления Ивана III. При Иване IV Грозном проблема призрения была предметом обсуждения Стоглавого собора 1551 г. Возлагая заботу о бедных на обязанность общества, Собор признает необходимым регулировать его государственными мерами, законом. На этом этапе меняется отношение к институту нищенства: в нем видят не только святость, но и ненормальное состояние образа жизни человека. Иван Грозный указал на общественную опасность нищенства. Впервые для разных категорий нищих и нуждающихся предполагаются особые меры помощи. Отрицается первичная форма благотворительности – бессистемная раздача милостыни, намечается некоторая система помощи, предоставление добровольных и принудительных работ. В этих мерах отражается не одно стремление благотворителя душу спасти богоугодным делом, но и принести общественную пользу, посодействовать улучшению жизни в государстве. Но формы попечения о бедных надолго остаются еще прежними, благотворительностью продолжали заниматься в основном духовные лица и цари, которые, как и отдельные члены общества, имели к тому склонность.

Сосредоточение дела призрения в центральных государственных учреждениях обнаруживается в XVII в. с воцарением династии Романовых. Такие дела находились в Патриаршем, Монастырском, Аптекарском приказах, а также в особом Приказе строения богаделен. Но эти меры были вызваны не столько решением осу-

ществить строгую систему общественного призрения, сколько усилением благотворительной деятельности царя Алексея Михайловича и ближайших к нему лиц. Сам царь в простом платье ходил по домам жителей, чтобы узнать их нужды, посещал тюрьмы, освобождал невинных и кормил заключенных. Для страны же нужны были систематические меры государственного характера. Из таких мер имеет значение только издание в 1649 г. Соборного Уложения, в котором установлен повсеместный в государстве сбор денег на выкуп пленных.

Но в общественном сознании подготавливалась мысль о необходимости перехода к системе оказания помощи нуждающимся. При этом начала ясней обозначаться и сама система призрения, которая должна была заключать в себе не только одну помощь бедным милостыней и содержанием их в специальных заведениях, но и предоставление трудоспособным нуждающимся возможности заработка, а позже – наказание за тунеядство. Постепенно зарождается мысль, по которой помощь общества в деле призрения должна быть не только добровольной, но и обязательной.

Развитие мер социальной помощи в определенную систему принадлежит императору Петру Великому. Деятельность Петра в этом направлении однозначно связывается с концом эпохи нищелюбия. Петр I рассматривал вопрос о необходимости различать нуждающихся по причине их нужды и определять помощь в соответствии с этой нуждой, указывал на предупреждение нищеты как лучший способ борьбы с ней; принимал меры к урегулированию благотворительности. Император указал по всем губерниям строить богадельни для старых и увечных, вдовам выдавать кормовые деньги, был основан первый приют для незаконнорожденных детей, затем для них были открыты госпитали, также были основаны сиротские дома. Необходимо было, прежде всего, выяснить количество и разряды нуждающихся, в этих целях император предписывает произвести перепись всех бедных.

Екатерина II, в основном придерживаясь политики Петра I, смягчила карательные меры по отношению к нищим, продолжила политику создания богаделен при епархиях, кроме того, при ее участии были открыты два больших заведения в Москве и Петербурге для незаконнорожденных. Крупнейшей организационной мерой Екатерины II стало создание сети специальных учреждений "Приказы общественного призрения", которые занимались вопросами попечения народных школ, сиротских домов, госпиталей и больниц, богаделен, особых домов для неизлечимо больных, домов для сумасшедших, рабочих домов. Система призрения, созданная Петром I и развитая Екатериной II, оказалась прочной и устойчивой.

Общественно-государственная концепция

помощи складывается в XIX в. Она характеризуется тем, что оказание помощи оформляется как система, в которой находят отражение не только государственные, но и общественные структуры. По мере того как обнаруживалась недостаточность предпринимаемых мер при помощи только государственных учреждений, в обществе и правительстве зрела мысль о необходимости большего участия в делах общественного попечения о бедных общества. Помощь эта выражалась, прежде всего, в пожертвованиях с благотворительными целями. К царствованию Александра I относится образование обществ, основанных на принципе самопомощи. Все члены такого общества обычно принадлежали к одному классу людей, они составляли денежный фонд посредством ежегодных взносов в кассу для помощи тем из своей среды, которые, вследствие каких-либо обстоятельств, оказывались в ней нуждающимися.

Таким образом, возникли два вида первой частной организованной благотворительной помощи. Ее появление указывает на зародившуюся в общественном сознании мысль о недостаточности только государственных мер. В целом XIX в. в истории России богат беспрецедентными пожертвованиями частных лиц на нужды благотворительности для различных категорий населения. В этом ряду: императрица Мария Федоровна, братья Бахрушины, А.А. Абрикосова, П.П. Демидов, предприниматели Платоновы, П.М. Третьяков и многие другие.

Постепенно формируется представление о том, что помощь должна осуществляться профессионалами. При психоневрологическом институте открывается научная кафедра "Общественное призрение". Впервые в отечественной науке (В.И. Герье) был поставлен вопрос о теории общественной благотворительности как самостоятельном комплексе взглядов на процесс помощи. Значительное место в деле организации социальной помощи имела организация женских общин сестер милосердия, это своеобразная точка отсчета в процессе становления социальной работы как профессиональной деятельности [7, с. 117].

Можно обозначить, что к концу XIX в. в России, наряду с государством, в деле оказания помощи нуждающимся принимают участие и церковь через систему приходов, и частные лица, и общественные организации. Характер помощи, таким образом, являлся полисубъектным.

Социетальная концепция вырабатывается в начале XX в. после Октябрьской революции. Практически все первые постановления Советской власти в области социальной поддержки носят политизированный характер, где важнейшее требование к необходимости оказания помощи соотносят с его классовой принадлежностью, заслугами перед страной. Государство становится основным субъектом помощи, проводится централизованная политика в области пенсионного обеспечения, поддержки инвалидов, одиноких и многодетных матерей, детей-сирот.

Многие проблемы были объявлены решенными, но по-прежнему существовали реально.

Социальная работа как профессиональная деятельность в России начинает складываться в начале 90-х гг. К организации нового вида деятельности и созданию сети учреждений подтолкнул экономический кризис и те социальные проблемы, которые возникли в обществе в результате распада Советского Союза. В обществе остро встали проблемы, ранее не характерные для него: безработица, вынужденная миграция, возрождение профессионального нищенства, криминогенная обстановка, падение уровня рождаемости и т. п.

И тем не менее, в организации социальной работы в современной России огромное количество проблем. Еще не сформировалась действенная система негосударственных учреждений социальной поддержки как следствие несформировавшегося гражданского общества в стране. Благотворительность не стала моральной потребностью состоятельных людей страны, а уровень жизни большинства населения России низок, основная его часть озабочена проблемой собственного выживания, поэтому государство сохраняет свою определяющую роль в деле организации и осуществления социальной защиты граждан. Одной из серьезнейших проблем является подготовка кадров. Бесспорным является тот факт, что этот вид деятельности является особым и требует профессионалов с особым набором личностных качеств, например так называемая компенсаторская профессиональная мотивация является противопоказанием к выполнению социальной работы [1, с. 80]. Сложным является вхождение многочисленных структур социальной работы в уже сложившуюся общественную структуру, взаимоотношения с различными ведомствами и организациями [6] и др.

Сегодня в России признается, что организация социальной работы будет результативной при условии использования исторических традиций оказания помощи нуждающимся, международного опыта, грамотного анализа современной обстановки, если в ее организации будут объединены усилия государственных органов управления, общественных организаций, людей, проникнутых любовью к ближнему и добровольно идущих на помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албегова И.Ф. // Социс. – 2005. – № 1. – С. 78–81.
2. Антология социальной работы: в 5 тт. История социальной помощи в России / Сост. М.В. Фирсов. – М.: Сварог – НВФ СПТ, 1994. – Т. 1. – 288 с.
3. Домострой. – М.: Советская Россия, 1990. – 304 с.
4. Кузнецова М.А., Новак Е.С. Теория социальной работы: учеб. пособ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 254 с.
5. Прыжов И.Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. – М.: ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997. – 240 с.
6. Скрипниченко И. // Социальная работа. – 2005. – № 4. – С. 28–32.
7. Тевлина В.В. // Вопр. истории. – 2002. – № 1. –

КОРПОРАТИВИЗМ КАК СТРУКТУРНАЯ ФОРМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Вад. И. Петров

Волгоградская академия государственной службы

В работе описываются основные ресурсы, используемые российскими региональными элитами в политическом процессе. Оригинальность авторского подхода к поставленной задаче состоит в том, что система внутри- и межэлитного взаимодействия рассматривается как относительно устойчивая и самовоспроизводящаяся форма местного (регионального) корпоративизма. Автор приходит к выводу, что в российских регионах ядро региональной системы политических взаимоотношений образует политико-административная элита, а бизнес и промышленность лишь обозначают контуры патрон-клиентных отношений в регионе.

Ключевые слова: корпоративизм, политическая элита, региональная элита.

CORPORATIVISM AS A STRUCTURAL FORM OF FUNCTIONING AND REPRODUCTION OF REGIONAL ELITES

Vad. I. Petrov

Abstract. This paper describes the basic resources used by Russian regional elites in the political process. The author's approach to the problem is original in that he considers the system of interactions inside and between elites as a rather steady and self-reproducing form of local (regional) corporativism. The author comes to the conclusion that in Russian regions the nucleus of regional system of political interrelations is formed by the political and administrative elite, while the business and industry only designate contours patron-client relations in the region.

Key words: corporativism, political elite, regional elite.

Российский исторический опыт демонстрирует, что именно правящая элита в решающей степени определяет будущее и настоящее развитие государства. Подавляющее большинство российских революций, реформ и преобразований инициировались "центром". Наиболее яркими подобными примерами могут выступать: реформы Петра Великого, преобразования Александра II, кризис и революция 1917 г., коллективизация, социалистическое строительство, перестройка, шоковая терапия во времена Ельцина. Первичность политической сферы по отношению к социально-экономической и культурной – основной признак, отличающий Россию от модели европейского цивилизационного развития [8].

Исследователи отмечают, что для России характерен мобилизационный тип развития [1, 2], и выделяют следующие факторы, обусловившие развитие России по пути форсированной догоняющей модернизации: относительно низкая производительность труда в базовых секторах экономики вследствие неблагоприятных природно-климатических условий; преимущественно экстенсивный тип воспроизводства; высокая удельная энергоемкость хозяйственной деятельности; слабая коммуникативная сеть; государство – главный субъект модернизации; враждебное окружение; клиентелизм как базовая матрица социальной организации российского общества.

Эта модель взаимоотношений между обществом и государством воспроизводилась на всех уровнях политико-административной системы, задавая модус поведения региональных элит и местного населения.

Региональные политические элиты в современной России оказывают серьезное воздействие на формирование и осуществление политики на различных уровнях. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, присущие элитам интересы, ценностные и целевые установки являются важнейшими факторами принятия политических решений [7].

Практика показывает, что нередко в политическую элиту приходят вовсе не самые лучшие и достойнейшие, с точки зрения профессиональных и ценностных качеств, представители. Избиратели голосуют не за конкретного человека с его достоинствами и недостатками, а скорее за продукт политтехнологов. То есть в период избирательных кампаний побеждает, как правило, тот претендент, "политическая и социальная обертка" которого, созданная специалистами политического PR, больше нравится избирателю в конкретных условиях. Поэтому из множества определений концепта элиты нам представляется наиболее приемлемым и эвристически ценным функциональный подход.

На наш взгляд, региональная политическая элита – социальная группа, обладающая необ-